

Ю.В. Пасько

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

ЧТЕНИЕ И ЧИТАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПОВЕСТЬ Л. УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА»

Y.V. Pasko

National Research University Higher School of Economics

READING AND READER IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: "SONETSHKA" BY L. ULITSKAYA

The article is a philological analysis of "Sonetshka" by L. Ulitskaya and it is dedicated to the subject of the reader and reading in modern Russian literature. The author pays attention to metaphors, associations and leitmotifs that describe reading and reader and analyzes their role in the composition of the story. The image of the main character is described as the intertextual center in this work of literature.

Чтение является основной деятельностью человека. Мы читаем вывески на улице, надписи на упаковках продуктов, меню в кафе и ресторанах, газеты и журналы и, наконец, мы читаем художественную литературу. Как отметил М.Ю. Матвеев в статье «Образ читателя в литературе», «вопросы, связанные с чтением и читателями, достаточно часто оказываются в поле зрения писателей и философов. Это происходит уже хотя бы потому, что человеку небезразлично, как отзовется его слово в душе других людей и какова будет дальнейшая судьба его творений» [5, с. 14], в связи с чем чрезвычайно интересно проанализировать, как представлены чтение и читатель в современной русской литературе. Для рассмотрения данной темы мы обратились к повести Л. Улицкой «Сонечка», произведению, подходящему как нельзя лучше, поскольку главная героиня – прирожденная читательница, чей характер и личность сформировало именно чтение. Таким образом, перед нами оказывается своеобразный текст-матрешка: мы, читатели, читаем о чтении и читательнице, т. е. в определенной степени о самих себе.

Сама повесть начинается с сообщения о том, что «от первого детства, едва выйдя из младенчества, Сонечка погрузилась в чтение» [10, с. 5]. Данное сообщение является своего рода гиперболой, как и наблюдение о чтении «без перерыва» с семи до двадцати семи лет. Чтение или «читательство» Сонечки представляется своеобразным талантом: «Отзывчивость ее к печатному слову была столь велика, что вымышленные герои стояли в одном ряду с живыми, близкими людьми, и светлые страдания Наташи Ростовской у постели умирающего князя Андрея по своей достоверности были совершенно равны жгучему горю сестры, потерявшей четырехлетнюю дочку по глупому недосмотру...» [10, с. 6]. Мир Сонечки с самого детства разделен на два мира: мир реальный и мир книжный, литературный, в котором главная героиня проводит гораздо больше времени. Такая одержимость чтением не могла не сказаться на мировосприятии девушки: она читала не только книги: «Сонечкино чтение, ставшее легкой формой помешательства, не оставляло ее и во сне: свои сны она тоже как бы читала. Ей снились увлекательные исторические романы, и по характеру действия она угадывала шрифт книги, чувствовала странным образом абзацы и отточия. Это внутреннее смещение, связанное с ее болезненной страстью, во сне даже усугублялось, и она выступала там полноправной героиней или героем, существуя на тонкой грани между осязаемой авторской волей, заведомо ей известной, и своим собственным стремлением к движению, действию, поступку...» [10, с. 7].

Как представлены литература и чтение? Литература представлена в повести как некое пространство, отличное от реального, того, в котором мы живем, пространство, в которое необходимо погрузиться, и метафора чтения как погружения является лейтмотивом всей повести. Сонечка погружается в чтение, впадает в него, как в обморок. Здесь возникает ассоциация с Алисой Л. Кэрролла, которая упала в кроличью нору и попала, «погрузилась» в невероятный сказочный мир. Сонечка читала, «то опускаясь в тревожные бездны подозрительного Достоевского, то выныривая в тенистые аллеи Тургенева и провинциальные усадьбы, согретые беспринципной и щедрой любовью почему-то второсортного Лескова» [10, с. 8]. К наблюдениям о том, что литература представлена как некое пространство, обладающее

определенной глубиной, можно добавить (основываясь на последней цитате), что оно является водным пространством, чему мы видим подтверждение через некоторое время, поскольку в тексте появляется метафора «книжный океан», которым является библиотека: «С годами она научилась самостоятельно отличать в огромном книжном океане крупные волны от мелких, а мелкие – от прибрежной пены, заполнявшей почти сплошь аскетические шкафы раздела современной литературы» [10, с. 9]. Итак, библиотека как книжный океан – метафора, которую можно спроецировать и на литературу: литература – океан у берега реальности, чтение – погружение в океан и плавание по волнам произведений. Метафора «литература – океан» достаточно распространена в сознании читателя и встречается, к примеру, в рассказе Татьяны Толстой «Переводные картинки», в котором зарубежная литература сравнивается с океаном [8, с. 353].

В библиотеку, а перед этим в библиотечный техникум Сонечку привела ее страсть к чтению, а к погружению в чтение книг добавилось теперь каждодневное погружение в библиотечный подвал, где она стала теперь работать, погружение абстрактное стало погружением буквальным. Метафора стала сопровождать не только книжную реальность героини, но и ее жизнь.

Библиотека в мировой литературе, в особенности в философской прозе, представлена как «образ мира», «неотъемлемая часть мироздания» [4, с. 67]. Одним из литературных произведений, подтверждающих справедливость подобного наблюдения, является новелла аргентинского писателя Хорхе Луи Борхеса «Вавилонская библиотека». В романе Умберто Эко «Имя розы» библиотека является хранилищем человеческой мудрости, доступной далеко не каждому, лишь избранным [11]. В повести «Сонечка» библиотека является скорее местом, хранящим не только книги, но и людей, спасающим Сонечку от несчастий военного времени так же надежно, как и само чтение книг. Средоточие библиотечной жизни – подвал, подполье – своеобразное материализованное продолжение метафоры погружения в чтение литературы.

Фигура Сонечки как читательницы, упоминания различных писателей, метафоры и ассоциации, сопровождающие чтение и библиотеку, в тексте повести представляют собой не только важные составляющие сюжета и

композиции повести, но и являются также механизмами актуализации различных литературных текстов в сознании читателя.

Основными показателями присутствия литературных текстов являются ономастические сигналы, иными словами, имена персонажей литературных произведений. Видя их в тексте, мы узнаем, что читает Сонечка. Практически в самом начале повести упоминаются Болконский и Наташа Ростова, чьи судьбы стоят в одном ряду с жизнью членов семьи Сонечки. Еще одно упоминание литературного персонажа заслуживает особого внимания. В повести рассказана история первой влюбленности Сонечки в одноклассника Витьку Старостина, «миловидного, курносенького», обладателя «кукольной мордочки» [10, с. 17] и характеристики «брутальный Онегин». Проекция литературного образа А.С. Пушкина на персонажа повести посредством антономасии актуализует текст «Евгения Онегина» в сознании читателя и создает определенный интертекстуальный контекст восприятия всей истории, т. е. чтение и интерпретацию текста через другие литературные тексты, актуализованные тем или иным образом в сознании реципиента: если Витька Старостин – Онегин, то Сонечка автоматически становится Татьяной Лариной, страдающей от безответной любви. Сонечкина погруженность в чтение отразилась и на ее влюбленности: ее чувство выражалось в том, что ей все время хотелось смотреть на своего одноклассника, ее «глаз жадно требовал русоголовой пищи» [10, с. 17], так же, как и пищи книжной. Некая «книжность» восприятия, нереальность свойственна ее влюбленности, что выражается в характеристиках «объекта привязанности»: «тринадцатилетний рыцарь», «жестокосердный герой» [10, с. 18]. И даже разочарование первой любви покинуло девочку «классическим способом»: она заболела, пролежала некоторое время в сильном жару.

Совсем по-другому, не по-книжному, а по-настоящему описывается знакомство Сонечки и Роберта Викторовича, ее будущего мужа, случившегося в библиотеке, которая, таким образом, стала поворотным пунктом в жизни главной героини.

После замужества Сонечка с головой окунулась в трудности бытовой жизни военного и послевоенного времени. Постепенно быт вытеснил чтение художественной литературы, а мир реальный, по ту

сторону страниц, стал гораздо более ценным и важным, чем мир вымышленный.

Между Робертом Викторовичем и Сонечкой состоялся только один разговор о литературе, в котором выяснилось, что русскую литературу он не любит, делая исключение лишь для Пушкина. Разговор между главными героями очень важен для композиции повести, поскольку именно с того момента чтение и восприятие мира через призму литературы заменилось у Сонечки непосредственно самой жизнью. До разговора фигура Сонечки, соединяющей в себе читательницу и библиотекаря, была интертекстуальным центром романа, поскольку к ней, как к центральной фигуре повести и персонажу читающему, сходились все «ниточки», ведущие к другим авторам и текстам: это и упоминание литературных героев, проекция их судеб на жизнь Сонечки, о чем шла речь выше; это и упоминание авторов, которых она читала: Достоевский, Тургенев, Лесков. Указание на конкретных авторов наряду с ономастическими индикаторами участвует в формировании особого текстового пространства, которое мы ранее уже обозначили как интертекстуальный контекст, подразумевая под данным понятием не только совокупность литературных произведений, но и вовлеченность их в чтение и интерпретацию последующего текста читателем. И в данном контексте имена действующих лиц воспринимаются в свете литературы.

Дочь главной героини Таня ассоциируется с Татьяной Лариной из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Портреты обеих героинь несколько схожи, на что обратила внимание филолог Наталья Ковтун [3]. Черты портрета Татьяны Лариной – это отчасти и черты Тани: она также «дика, печальна, молчалива» [7], задумчиво бродит по саду, вызывая тягой к одиночеству беспокойство у своей матери. Имя подруги Тани, Яси, невольно наталкивает на воспоминания о тургеневской Асе. Несомненными литературными коннотациями обладает и имя Соня, Софья. Поскольку в повести фигурируют имя Достоевского и упоминания действующих лиц романа Л.Н. Толстого «Война и мир», то сразу вспоминаются Сонечка Мармеладова из произведения «Преступление и наказание» и Соня из романа Л.Н. Толстого. И необходимо отметить, что всех упомянутых Сонечек объединяют общие

качества: кротость, терпение, самоотверженность, благородство [2, с. 367], верность и умение беззаветно любить [9, с. 291].

Филолог Наталья Ковтун в своей статье «*Сонечки* в новейшей русской прозе: к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности» утверждает, что повесть Л. Улицкой «входит в парадигму новейших текстов, в той или иной мере обыгрывающих постулаты софиологии. ... В произведении Л. Улицкой оживают несколько традиций: сюжеты античности, иудаизма, русской классики, но структурообразующим является мотив Софии – души мира. ... Автор словно спешит наградить героиню всеми атрибутами мировой души. Сонечка – хранительница Слова, мудрости – библиотекарь, как и Соня из одноименного рассказа Т. Толстой. Одновременно ей дано стать основательницей нового дома-мира, Хозяйкой, приглашающей гостей из всех уголков земли» [3, с. 54]. Имя главной героини, как и ее образ, наделены не только литературными, но и мифологическими коннотациями, определяющими ее основные черты: жертвенность, доброту, бесконечную благодарность Богу и миру за семью и дом.

Со временем чтение и литература постепенно ушли из жизни Сонечки, с точки зрения композиции произведения она одновременно перестала быть его интертекстуальным центром. Имена авторов и персонажей заменили домашние хлопоты: приготовление блюд, создание уюта. Храм библиотеки, в котором она отрешенно-монашески служила, сменился храмом дома и семьи; Сонечка взяла на себя все хлопоты по решению бытовых проблем. «Приход» Сонечки в реальную жизнь пропорционален «уходу» Роберта Викторовича в свой собственный мир, его строительство начинается с создания причудливых бумажных крепостей, которые должны были стать игрушками для дочери Тани. И вот уже вокруг Роберта Викторовича собирается круг единомышленников, образовавший московский Монмартр, они ведут «всемирный разговор», обсуждая «видения Мейстера Экхарда, теорию цвета Гете» [10, с. 54]. А Сонечка тем временем готовит, сверяясь с книгой Елены Молоховец, таким образом художественную литературу сменила поваренная книга: «Роберт Викторович иногда внимательно смотрел из-за ее большой спины на синьку, манку, струганное хозяйственное мыло, фасоль и со свойственной ему остротой отмечал

убедительную художественность, высокую осмысленность и красоту Сонечкиного домашнего творчества. «Мудр, мудр мир муравья...», – думал он мимолетно и затворял за собой дверь на теплую террасу, где водились его суровые бумаги, свинцовые белила и еще немного, что он допускал в свои строгие упражнения» [10, с. 77].

Фраза Роберта Викторовича «Мудр, мудр мир муравья» отсылает нас к Библии, словам царя Соломона: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым». Интересно ритмическое, звуковое оформление фразы: каждое слово начинается с одного и того же звука [м] – пример классической аллитерации, часто встречающийся в поэзии Пастернака [1]. Один из таких интереснейших примеров – строчка из стихотворения Бориса Пастернака «Рассвет», посвященного теме религии и веры:

Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы.

Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа [6, с. 671].

При сравнении двух строчек видно их сходство, заключающееся в особом аллитерационном оформлении высказывания.

Стихотворение «Рассвет» входит в цикл стихов Юрия Живаго, главного героя романа «Доктор Живаго». В контексте ассоциаций, приведших к произведению Б. Пастернака, нам показалось интересным сравнить два женских образа: образ Яси из повести Л. Улицкой и образ Лары Гишар из романа Б. Пастернака. Внешне они очень похожи. У Лары белокурые волосы, серые глаза, плавные бесшумные движения [6, с. 73]. Та же плавность, создающая невероятно притягательную «женскую музыку тела» [10, с. 75], присуща и Ясе, чьи «высоко поднятые над серыми глазами брови ... казалось, просили о покровительстве» [10, с. 70], «а тяжелые русые волосы были цельными, словно отлитыми из светлой смолы» [10, с. 81]. Характерно и то, что лейтмотивом в описании двух женских образов является белый цвет.

Лара: «Она [рябина] была наполовину в снегу, наполовину в обмерзших листьях и ягодах и простирала две заснеженные ветки вперед навстречу ему. Он вспомнил большие **белые руки Лары**, круглые, щедрые, и ухватившись за ветки, притянул дерево к себе» [6, с. 478].

«В недавнем бреду он [Юрий Живаго] укорял небо в безучастии, а небо всей ширью опускалось к его постели, и две большие, **белые** до плеч, женские **руки** протягивались к нему» [6, с. 501].

«Юрий Андреевич быстро поправлялся. Его выкармливала, выхаживала Лара своими заботами, своей **лебедино-белой прелестью**, влажно дышащим горловым шепотом своих вопросов и ответов» [6, с. 502].

Яся: «Маленькая, как будто на токарном станке **выточенная из самого белого и теплого дерева**, тянула она к нему свое праздничное личико» [10, с. 85].

«... он всегда вдумывался в **ее белизну**, которая ярче радуги сияла перед ним на фоне матовой побелки пустой стены. И блеск эмали кухонной кружки в ее розовой, но все же **белой руке**, и куски крупного колотого сахара в кристаллических изломах, и белесое небо за окном – все это хроматической гаммой мудро восходило к ее **яично-белому личику**, которое было **чудо белого**, теплого и живого, и лицо это было основным тоном, из которого все производилось, росло, играло и пело о тайне белого мертвого и белого живого» [10, с. 98].

Здесь приведены всего лишь несколько примеров описаний Лары и Яси, но уже в них видно как большое внешнее сходство, так и значительное различие: образ Лары гораздо более поэтичен, чем образ Яси, что заметно в метафорических эпитетах, выбранных авторами для характеристики героинь. Белизна Лары – это лебединая прелесть, тогда как природа белого цвета Яси более приземленная, материальная, восходящая к цвету дерева и сочетающаяся в глазах Роберта Викторовича с белым цветом окружающих Ясю предметов.

Таким образом, мы через Роберта Викторовича и историю его «последней жизни», начавшейся с приходом Яси, читаем историю Лары и Юрия Живаго. Однако такое «интертекстуальное» чтение представляет собой чтение имплицитное, а чтение как таковое, эксплицитное, возвращается в повесть к Сонечке с окончательным уходом Роберта Викторовича из семьи, в тот момент, когда Сонечка узнает правду об отношениях своего мужа и Яси. А возвращается чтение и читательство через А.С. Пушкина, его повесть «Барышня-крестьянка», завершая некий круг не-чтения, начавшегося с разговора Роберта Викторовича и Сонечки, там фигурировало имя А. С. Пушкина, которого Роберт

Викторович признавал как единственно достойного представителя русской классической литературы. Как и раньше, персонажи литературных произведений становятся в один ряд с живыми людьми: «Совершенно опустошенная, легкая, с прозрачным звоном в ушах вошла она к себе, подошла к книжному шкафу, сняла наугад с полки книгу и легла, раскрыв ее посередине. Это была «Барышня-крестьянка». Лиза как раз вышла к обеду, набеленная по уши, насурьмленная пуще самой мисс Жаксон. Алексей Берестов играл роль рассеянного и задумчивого, и от этих страниц засветило на Соню тихим счастьем совершенного слова и воплощенного благородства ...» [10, с. 102].

Прошлое вернулось, чтение стало тем, чем оно было для Сонечки изначально: страстью, которая заслоняла собой реальный мир, спасением от повседневной жизни. А теперь чтение еще и притупляло боль от двойного несчастья: разрушение – будущий снос – дома и разрушение семьи.

И снова мы видим кольцевую композицию: повесть начинается с чтения и рассказа о впадании в чтение как в обморок и заканчивается погружением в книги: «Вечерами, надев на грушевидный нос легкие швейцарские очки, она уходит с головой в сладкие глубины, в темные аллеи, в вешние воды» [10, с. 127].

Проанализировав повесть Л. Улицкой «Сонечка» с точки зрения представления чтения и фигуры читателя, можно прийти к следующим выводам. Книги и литература представлены в повести как некое водное пространство, о чем свидетельствует анализ лексико-семантического уровня некоторых фрагментов произведения. В повести противопоставляются два мира: мир литературы и мир реальности, и если продолжить метафору литературы как океана или моря, то реальная жизнь представляется берегом, у которого «плещется» океан литературы. Чтение представлено как погружение в океан, как всепоглощающая страсть, окутывающая душу главной героини «кокон[ом] из тысяч прочитанных томов» [10, с. 14]. Чтение является важным элементом не только сюжета произведения. Фигура Сонечки как читательницы и библиотекаря является в начале интертекстуальным центром повести, через нее мы «читаем» тексты русской классической литературы, а образы повести Л. Улицкой наделены некоторыми чертами литературных героинь других эпох. С

точки зрения композиции чтение также очень важно, поскольку на чтении литературы и на фигуре Сонечки как читательницы основана двойная кольцевая композиция повести: первое композиционное кольцо – упоминание А.С. Пушкина Робертом Викторовичем, с которого началось «вытеснение» чтения из повести и «возвращение» чтения в повесть и в жизнь Сонечки, связанное с повестью «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина; второе композиционное кольцо – погружение в чтение книг, которым начинается и заканчивается повесть.

Библиографический список

1. Баевский В.С. Пастернак. М.: Изд-во МГУ, 1999. 112 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1989. 520 с.
3. Ковтун Н.В. *Сонечки* в новейшей русской прозе: к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности. URL: <http://www.leidykla.eu/fileadmin/Literatura/53-2/53-70.pdf> (дата обращения: 23.08.2012).
4. Матвеев М.Ю. Власть стереотипов или многообразие подходов? (образ библиотеки в художественной литературе) // Библиотекосведение. 2003. № 2. С. 66–72.
5. Матвеев М.Ю. Образ читателя в литературе: «Истинные мудрецы» или «подлинные безумцы»? // Библиотечное дело. 2006. № 6. С. 14–16.
6. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. СПб.: Азбука-классика, 2004. 704 с.
7. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: АСТ, 2008. 704 с.
8. Толстая Т.Н. Изюм. М.: Подкова: ЭКСМО, 2002. 384 с.
9. Толстой Л.Н. Война и мир: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. 368 с.
10. Улицкая Л.Е. Сонечка. М.: ЭКСМО, 2002. 128 с.
11. Эко У. Имя розы. СПб.: Симпозиум, 2006. 640 с.